Мы публикуем воспоминания о Геннадии Сидорове директора производства его фильма "Старухи" Алексея Вульфова .

С первых дней знакомства Гена произвел на меня впечатление открытого и яркого человека, до мозга костей кинематографиста. Он очень горел предстоявшей режиссерской работой, к тому же затевавшейся по его собственному сценарию. Съемки предстояли в Костромской области. Я подарил Гене ее атлас. Деревню, в которой предстояло снимать, Гена нашел сам, путешествуя по области. Нашел по наитию. Замыслом и фильмом он очень горел, ждал съемок, я бы сказал, светло, даже восторженно, без мнительности или какой-либо особой нервозности. Картиной своей горел и любые помехи в ее создании воспринимал очень болезненно и всегда прямо, без обиняков.

Геннадий – натура сильная. Он производил впечатление типичного порядочного мальчишки «из нашего двора», который может и поделиться последним, и подраться, когда надо. Это органически было в его натуре. Несмотря на присущую ему достаточно сильную мнительность, внушаемость, порой не слишком большую разборчивость в людях и мнениях, он, тем не менее, никому зла не желал и специально зла не затевал – за эти слова я отвечаю. Он сильно обижался только, когда ему казалось, что вредят его делу, его картине, и тут мог быть несдержанным и даже тяжелым человеком, порой несправедливым и распоясавшимся, но понять его в этом можно, если вспомнить, как болел он за свой фильм. Обычный профессиональный эгоизм кинематографиста, тем более режиссера, со всеми сопутствующими чертами, не превышал в нем границ типического кастового тщеславия. Недаром Гену любили актеры, в том числе и непрофессиональные – они видели в нем открытого им, понимающего и любящего их человека. С актерами прекрасно он работал. Кстати, сам Гена – великолепный актер. Однажды я видел, как он изображал свою собаку – это был блеск, я запомнил это на всю жизнь и до сих пор рассказываю людям, как о чуде лицедейства.

Огромной положительной печатью на Гене была герасимовская школа, к которой он принадлежал. К огромному сожалению, Гена рано лишился поддержки, я бы сказал – присутствия С.А.Герасимова, ушедшего из жизни, однако влияние духа Герасимова на Гену было велико и плодотворно. Гена подходил к своей картине, как истинный кинематографист, а не какой-то временщик. На мой взгляд, кинематограф в его

понимании был сферой искусства, художественного творчества, а не разновидности дурной общественной бани без стен. Он мыслил в профессии культурно, жил ею - без сомнения. «Старухи» недаром получили высокие фестивальные награды. Этот фильм делал человек, ориентировавшийся так или иначе на некую серьезную и, кстати, национальную традицию в кино, которую он глубоко знал и понимал, а не на «мыло» разного сорта, и это дало свои результаты - в стране, где великая область - кино - во мгновение ока стала суррогатом, как и многое другое в жизни. Люди и жюри в зале радостно откликнулись так или иначе живой, искренней картине, произведению искусства, смеялись от души, как раньше в кинозалах старой поры. «Старухи» были справедливо восприняты как хороший уникум.

На съемках «Старух» он жил в крайне скудных – по-настоящему трудных бытовых условиях, в которых прошла вся двухмесячная, в основном осенняя по погоде экспедиция – и ни разу не пожаловался на это. Ел то, что и все – а разнообразием меню в тех краях похвастаться было трудно. Спал на деревенской кровати в дореволюционной костромской избе, в ней же шли порой и съемки, в тесноте, в духоте, в убожестве настоящем – и ни разу не посетовал на трудности быта. Мне приходилось будить его на съемки и в четыре утра, и в час ночи – Гена ни разу не пожаловался, неизменно сразу вскакивал и приветливо здоровался.

Особенно хочу отметить пожизненную мою благодарность ему за расположение ко мне и помощь во время съемок и озвучания. Точнее сказать – без его поддержки моя работа была бы в тех условиях просто невозможна. Он был всегда приветлив ко мне и терпелив. Ни разу публично не сделал ни одного замечания, хотя порой для этого и могли быть основания. Если что и высказывал – в глаза, но с глазу на глаз. Его ободряющая улыбка, объятие (всегда обнимался при встрече, это был знак его расположения), способность вникать хотя бы на уровне выслушивания порой в довольно сложные проблемы – без этого ничего там нельзя было бы сделать. Поддержка Гены была для меня на том проекте твердью среди болота. Никогда не забуду, как однажды, в наитруднейшей ситуации и не без некоторых поводов для претензий по организационно-хозяйственной части, Гена при всех ободрил меня, протянул руку с улыбкой – а если он по-хорошему улыбался, это была всегда улыбка чистая, без примесей. Спасибо, Гена, тебе за это, век не забуду – очень трудно было бы тогда без той улыбки и руки на плече при всех.

Он не уклонялся от неприятных разговоров, когда надо было, и этим тоже очень помогал. Дрянная одна женщина была там из местных, прямая Салтычиха, опасная проекту, как гюрза – Сидоров давал ей жару при всех, не теряясь, посылал подальше без страха и упрека – это он умел. В нем мужественность была, простосердечность. Как режиссер он мог всё сваливать на нас – администрацию, бежать от всего и только взыскивать с нас за всё, сам ни во что не вникая - но не так было. Недаром отмечалась в

Сидорове порядочность дворового мальчишки. И тактичность истинного интеллигента, которая одной половинкой несомненна жила в нем. (Он ценил интеллигентность, в этом не плебействовал, хотя в речи и щеголял своей знаменитой матерщиной - уж что за напасть в нём была такая!).

Стал у нас на проекте однажды попивать шофер. Я всё откладывал взыскать с него, как следует, потому что опасался, что шофер в отместку сбежит, и тогда мы останемся совсем без транспорта в этом бездорожье. И вот Гена однажды подошел к машине, в которой был и я, и как следует словесно выпорол этого шофера, глядя мимо моих глаз. Выпорол мощно, с чувством – однако ни слова укора мне, сидящему рядом, хотя по должности мог за такое вполне и высказать.

Потом, уже в Москве, во всех своих авариях, травмах (очень тяжелых и болезненных) он держался по-мужски. Армейское что-то в нем было, хотя и очень раним был он по сути. А в беды свои попадал больше по ребячеству истинному. Неслыханный ребенок!

Я всегда, не скрою, был внутренне насторожен с ним, потому что Гена мог быть и непредсказуем, и коварен, и даже истеричен, однако в целом было с ним неизменно дружественно. «Лешка, привет, дорогой!» - слышу, как сейчас.

Полагаю, что причиной всех бед его, в совокупности, забравшей его так рано из земной жизни, был его тяжелый недуг, который поощрялся тщеславием и «мне всё можно» – но мы на Руси не говорим так об усопших. Очень важно, что Гену похоронили по православному обычаю, с отпущением грехов и молитвой о Божьем прощении.

Абсолютно уверен, что большинство противоречий и заблуждений в нем было по происхождению своему, как у ребенка, не более того, однако недуг его усиливал, раздувал их. Подчеркиваю – недуг, а не порок. Трезвый Сидоров был мил, интеллигентен и весьма здрав мыслью и телом, искренне жизнелюбив, вполне искренне наивен, несомненно хотел хорошего по жизни, а не дурного - да не всегда получал его… Я радовался тому, как он любил сына, как рассказывал о нем – в этом всегда светлый какой-то представал, нормальный человек.

Упокой, Господи, его мятежную беспокойную душу, облегчи ему и прими его.

Светлая тебе память, дорогой Гена, и доброе, благодарное слово. Прости за всё, чем согрешил перед тобой. Как бы то ни было, говорю тебе - дорогой.